

дала намъ нѣкоторую бодрость, потребную для далекаго пути. Путникъ, какъ ребенокъ, скоро забываетъ прошедшія страданія и смѣло идетъ впередъ, не засматриваясь далеко, не вѣдая не справляясь о будущемъ, хотя бы оно было непроницаемо, какъ покрывало богини Нейтъ въ Саисѣ. Онъ уже бодръ и свѣжъ, когда имѣетъ случай или возможность вздохнуть свободно, хотя нѣсколько часовъ, и этими минутами—не нѣги и упоенья, а утоленья всѣхъ насущныхъ потребностей, купить себѣ новыхъ силъ и крѣпости, столь необходимыхъ въ пути. Онъ предоставленъ самому себѣ; одинъ, вдали отъ всякой цивилизаціи, безъ друзей, въ пустынѣ среди ряда опасностей и лишеній, онъ можетъ надѣяться только на самого себя, на свою энергію, на свое здоровье, и, если такъ можно выразиться, на свою счастливую звѣзду. Въ трудномъ путешествіи человѣкъ начинаетъ вѣрить въ *fatum*; оно не представляется ему чѣмъ-то непонятнымъ и несуществующимъ;—нѣтъ—твердое убѣжденіе—чему быть, того не миновать—сидитъ крѣпко въ немъ и влечетъ его неудержимо въ таинственную даль... Что манитъ его туда, онъ не можетъ дать себѣ въ томъ отчета, но отдается тому влеченію безкорыстно и безотчетно, и, если счастливое открытіе увѣнчаетъ его труды, онъ такъ же безотчетно порадуется своему успѣху, какъ и поскорбитъ о его неудачѣ. Ему кажется, что онъ исполняетъ свой долгъ, тѣ, что ему назначено судьбою, съ чѣмъ связывается все его существованіе... Не слава, не гордость, не авантюризмъ влечетъ его впередъ; тѣ чувства и не должны владѣть тѣмъ, кто отправляется въ путь; онъ долженъ быть трезвъ мыслью, далекъ отъ всякихъ другихъ побужденій, кромѣ чистой идеи, въ пользу которой онъ несетъ всѣ свои лучшія силы, весь свой умъ, часть своей жизни... То чувство, та идея, влекущая человѣка въ таинственную даль, на нужды и лишенія, должны быть не выжаты изъ человѣка, они должны родиться съ нимъ, быть взлелѣяннымъ «отъ молодыхъ ногтей» и наполнить все его существованіе...

Послѣ отдыха и утоленія своихъ физическихъ потребностей, мы были бодрѣе и смѣло шли впередъ. Тотъ вечеръ, о которомъ я повѣду свой рассказъ, былъ однимъ изъ первыхъ по выходѣ изъ Акабы, и мы, свѣжіе, безпечно отдыхали въ *dolce far niente* на мягкомъ пескѣ Уади-ель-Араби. На длинныхъ палкахъ, которыя мы везли издалека, были натянуты синія полотнища, взятые изъ Акабы; съ боковъ ихъ дополняли двѣ простыни, что вмѣстѣ составляло импровизированную палатку. Вмѣсто софѣ и дивановъ лежали наши выюки, вмѣсто ковра—плащи, покрывав-